

ПЕРЕПИСКА А. С. ПУШКИНА

А. С. ПУШКИН — П. Я. ЧААДАЕВУ

(ответ на письмо Чаадаева от 17 июня 1831 г.)

<6 июля 1831 г.>

Друг мой, я буду говорить с вами на языке Европы, он мне привычнее нашего¹, и мы продолжим беседы, начатые в свое время в Царском Селе и так часто с тех пор прерывавшиеся².

Вам известно, что у нас происходит: в Петербурге народ вообразил, что его отравляют. Газеты изощряются в увещаниях и торжественных заверениях, но к сожалению, народ неграмотен, и кровавые сцены готовы возобновиться³. Мы оцеплены в Царском Селе и в Павловске и не имеем никакого сообщения с Петербургом. Вот почему я не видел ни Блудова, ни Беллизара⁴. Ваша рукопись все еще у меня; вы хотите, чтобы я вам ее вернул? Но что будете вы с ней делать в Некрополе?⁵ Оставьте ее мне еще на некоторое время. Я только что перечел ее. Мне кажется, что начало слишком связано с предшествовавшими беседами, с мыслями, ранее развитыми, очень ясными и несомненными для вас, но о которых читатель не осведомлен. Вследствие этого малопонятны первые страницы, и я думаю, что вы бы хорошо сделали, заменив их простым вступлением или же сделав из них извлечение. Я хотел было также обратить ваше внимание на отсутствие плана и системы во всем сочинении, однако рассудил, что это — письмо и что форма эта дает право на такую небрежность и непринужденность. Все, что вы говорите о Моисее, Риме, Аристотеле, об идее истинного Бога, о древнем искусстве, о протестантизме — изумительно по силе, истинности или красноречию. Все, что является портретом или картиной, сделано широко, блестяще, величественно. Ваше понимание истории для меня совершенно ново, и я не всегда могу согласиться с вами⁶: например, для меня непостижимы

ваша неприязнь к Марку Аврелию и пристрастие к Давиду (псалмами которого, если только они действительно принадлежат ему, я восхищаюсь). Не понимаю, почему яркое и наивное изображение политеизма возмущает вас в Гомере? Помимо его поэтических достоинств, это, по вашему собственному признанию, великий исторический памятник. Разве то, что есть кровавого в Илиаде, не встречается также и в Библии? Вы видите единство христианства в католицизме, то есть в папе. Не заключается ли оно в идее Христа, которую мы находим также и в протестантизме? Первоначально эта идея была монархической, потом она стала республиканской. Я плохо излагаю свои мысли, но вы поймете меня. Пишите мне, друг мой, даже если бы вам пришлось бранить меня. Лучше, говорит Экклезиаст, внимать наставлениям мудрого, чем песням безумца⁷.

6 июля,
Царское Село

А. И. ТУРГЕНЕВ — А. С. ПУШКИНУ¹

15 июля 1831 г.
Остафьево

В письме к Чадаеву² о его рукописи много справедливого. Поставь на место католицизма — христианство, и все будет на месте; но в том-то и ошибка его и предтечей его: Мейстера, Бональда, Ламене, Свечиной. — На словах и в записочках я часто бесил сию превосходно мыслящую четверку тем же замечанием; но они не сдаются ни на рассуждения, ни на историю, в коей видят только Рим и церковь, а не мир и религию. Чадаев попал на ту же мысль или, лучше, увлечен ими на ту же дорогу, хотя он — выслушивает *и другую сторону*: т. е. читает и протестантов; но находит в них или подтверждение своему взгляду на историю, или слабые доказательства, кои спешит обессилить, или устраняется от состязания, когда доводы противников слишком сильны. — Это кабинетное занятие было бы спасительно и для его ментально-физического здоровья, о котором пишу к Жуковскому, — но болезнь, т. е. хандра его, имеет корень в его характере и в неудовлетворенном самолюбии, которое, впрочем, всем сердцем извиняю и постигаю. Мало-помалу я хочу напомнить ему, что учение Христово объемлет всего человека и бесконечно, если, возводя мысль к небу, не делает

нас и здесь добрыми *земляками* и не позволяет нам уживаться с людьми в английском Московском клубе; деликатно хочу напомнить ему, что можно и должно менее обращать на себя и на *das liebe Ich** внимания, менее ухаживать за собою, а более за другими, не повязывать пять галстуков в утро, менее даже и холить свои ногти и зубы и свой желудок; а избыток отдавать тем, кои и от крупниц падающих сыты и здоровы³. Тогда и холеры и геморроя менее будем бояться: *до нас ли?* сказал один мудрец в 30 лет, за жизнь коего в Царе-граде, во время греческого восстания, страшился брат в Петербурге. Тогда и жизнь и смерть — и болезнь — и все получит смысл; но не это письмо: *à l'impossible nul n'est tenu*.

*Ex-garçon des cultes**.*

А. С. ПУШКИН — П. А. ВЯЗЕМСКОМУ
(отрывок)

3 августа 1831 г.
Царское Село

Благодарю Александра Ивановича за его религиозно-философскую приписку¹. Не понимаю, за что Чаадаев с братией нападает на Реформацию, *c'est à dire un fait de l'esprit chrétien*. *Ce que le christianisme у perdit en unité, il le regagna en popularité****. Греческая церковь — дело другое: она остановилась и отделилась от общего стремления христианского духа. Радуюсь, что Чаадаев опять явился в обществе. Скажи ему, что его рукопись я пытался было переслать к нему², но на почте посылок еще не принимают, извини меня перед ним. Кланяюсь всем вашим и желаю вам здравия и спокойствия.

* свое любезное «Я» (нем.).

** нельзя ни от кого требовать невозможного. Бывший служитель культов (фр.).

*** то есть на известное проявление христианского духа. Насколько христианство потеряло при этом в отношении своего единства, настолько оно выиграло в отношении своей популярности (фр.).